

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА И СИСТЕМНЫЕ РИСКИ

Политический режим, рассматриваемый как составная часть, либо как частный случай политической системы, подвержен действию всей совокупности системных закономерностей, выявленных мировой наукой в последнее столетие. Несмотря на то, что в качестве объекта их проявления первоначально рассматривались системы физические или биологические, со второй половины XX в. законы системологии все активнее применяются к социальным и политическим системам. Исходя из этого следует рассматривать возможную динамику развития (трансформацию) политического режима в России не только как результат волевых усилий того или иного политического актора, но как итог объективного мультифакторного воздействия общих законов функционирования систем. Игнорирование же этих законов развития чревато серьезными системными рисками.

Ключевые слова: политический режим, политическая система, законы системного развития, системные риски.

Недавнее заявление Президента России Дмитрия Медведева о том, что в политической системе страны стали появляться симптомы застоя, который, по его мнению, одинаково губителен как для правящей партии, так и для оппозиционных сил, вызвало широкий поток откликов. Прозвучавший в видеоблоге Президента призыв «сделать нашу политическую систему более справедливой, более гибкой, более динамичной, более открытой к обновлению и развитию» окрылил, прежде всего, представителей политической оппозиции, увидевших в нем знак решительных системных перемен, которые будут подробно обозначены в предстоящем Послании Президента Федеральному Собранию. Содержание выступления Президента, однако, этих радужных надежд не оправдало ни на гран.

Последовавшие обширные комментарии были весьма разносторонни, но полностью не объясняли ни причины заявленного желания («необходимости реформ»), ни отсутствия программы таких реформ в Послании.

Для понимания сущностных компонентов этой проблемы необходимо, прежде всего, определиться со смыслом понятия «политический режим».

Его происхождение (от фр. *regime* – управление; лат. *regimen* – направление, кормило

власти, правление) достаточно очевидно. Режим трактуется как «государственный строй», «метод правления», «образ правления», «способ функционирования властного порядка», «установленный порядок / распорядок деятельности», «условия деятельности», «совокупность средств и методов осуществления экономической и политической власти господствующего класса».

Морис Дюверже определяет политический режим как особый социальный механизм, способ управления обществом, соединяющий базовые модели выборов, голосования и принятия решений со способами политического участия партий и групп интересов [1997].

Профессор гренобльского и парижского Институты политических наук Жан-Луи Кермонн определяет режим как «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующую формированию политической власти в данной стране в определенный период» [1991. С. 133].

Раймон Арон считает понятие режима более широким и выделяет в качестве неизменных его элементов конституционную форму правления, характеристику партийной системы, способ функционирования режима (избирательная система, взаимоот-

ношение парламента с правительством и пр.), роль групп давления, характер политического персонала.

Гарольд Лассуэлл рассматривает режим как способ упорядочения, легитимации политической системы.

Юрий Ирхин добавляет в суть режима динамику взаимоотношения государства с другими политическими компонентами и гражданским обществом [Социологическая энциклопедия, 2003. Т. 2. С. 325].

Известный российский государствовед Вениамин Чиркин предлагает определять режим как «совокупность форм и методов осуществления государственной власти» [1999. С. 191].

Очевидно, что все определения достаточно сходны и одновременно трактуют понятие весьма неоднозначно. Это проистекает, как совершенно справедливо указывают авторы фундаментальных «Категорий политической науки» [2002. С. 153], из наличия, по крайней мере, трех нюансов рассмотрения режима – как политического строя в целом; как альтернативы; и как источника правления, как власть.

В первом случае режим рассматривается как метод управления, как комплекс элементов институционального, социологического и идеологического порядков, образующих политическую власть конкретной страны на определенный период; в этом понимании выражаются формально-юридический и конституционный аспекты организации политической системы, характеризующие структуру государственной власти, например режим Пятой Республики во Франции или режим современного российского государства.

Второе определение характеризует открытые для изменений переменные параметры политического строя, в том числе его социально-экономические основания, например режим шоковой терапии, монетаристский режим.

Наконец, режим как источник правления, как властный авторитет, определяющий политический строй, рассматривается через призму конкретного политического персонажа, например режим Ельцина.

Использование подобного подхода позволяет нам в применении к современной российской действительности говорить о конституционно-декларированной и реаль-

но функционирующей политической системе России в конкретных хронологических рамках («нулевые годы»), о процессе дистанцирования от той системы, что существовала в 90-е гг. прошлого века, наконец, о режиме Владимира Путина – генерального актора этой системы. Избрание в 2008 г. президентом Д. Медведева в принципе не изменило содержание режима, придав ему внешне дуалистическую форму «тандемократии».

Как видно, все исследователи политического режима, от античных мыслителей до политологов современности, рассматривают его либо как составную часть, либо как частный случай политической системы. Второе наблюдением связано с растущим пониманием исследователями поликомпонентности, мультифакторности режима как системы.

Под *системой* (гр. *systema* – целое, составленное из частей; соединение) понимается множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, процессов), которые складываются в целостное образование с новым качеством. Элементы системы характеризуется постоянным и устойчивым взаимодействием (Л. Бергаланфи) и являются переменными, независимо от характера и степени их связи (Д. Истон).

Устойчивыми компонентами режима, сложившегося в последнее десятилетие в России, являются вполне определенный базис – рентная (сырьевая) экономика и соответствующая ему надстройка в ее политическом (этакратическая «вертикаль власти», авторитарно-олигархические тенденции), социальном (резко дифференцированное по доходам население с доминированием патерналистских настроений и зачаточным гражданским обществом), идеологическом (консерватизм, этатизм, пуризм, клерикализм), культурном (гламурно-патриотический кич) проявлениях.

Переменные компоненты связаны, прежде всего, с номинальным отказом В. Путина от поста первого лица, что привело к некоторому изменению баланса сил различных групп влияния и косметической либерализацией законодательства. Многочисленные замеры общественного мнения показывают, что квалифицированное большинство респондентов до сих пор считают именно В. Путина фигурой «number One», а один из

последних опросов ВЦИОМ¹ показал, что 67 % россиян уверены в долговременности тандема. То, что и Медведев и Путин с завидным постоянством три года убеждали общество в единстве своих взглядов на политику, лишний раз подтверждает стабильность установившегося политического режима.

Что же тогда заставило Д. Медведева выступить со столь радикальным заявлением? И почему именно сейчас?

Применительно к актуальному состоянию России определяющее значение играет наложение совокупностей ряда мощных драйверов², которые правомерно назвать «матрешкой кризисов». Под кризисом мы понимаем период проявления или резкого обострения общественных проблем и одновременно период формирования объективных предпосылок для их решения.

Наиболее всеобщим драйвером, влияющим на состояние политической системы не только нашей страны, но и многих других, является *глобально-системный кризис*, под которым мы понимаем движение к тотальному исчерпанию возможностей текущей эпохи («нового» времени, «капитализма», «эпохи модерна», «индустриального общества» «второй волны», «индустриальной фазы», в терминах А. Тойнби. К. Маркса, О. Конта, О. Тоффлера, Д. Белла и С. Переслегина). Осознанный в последней трети прошедшего века как процесс перехода к новой реальности он, с нашей точки зрения, еще не достиг своего пика, хотя его мощное влияние на изменение трендов развития многих стран мира уже всем очевидно.

Следующим слоем давления, несомненно, является начавшийся в 2008 г. *финансово-экономический кризис*, носящий мировой характер и часто используемый в качестве объяснения всех сегодняшних социально-экономических проблем. Хотя в 2010 г. политиками различных стран, прежде всего России, было объявлено о завершении этого кризиса, его влияние на ситуацию сохраняется еще не один год.

Два внешних драйвера сочетаются с группой кризисов внутреннего характера. Прежде всего, это *системно-исторический*

кризис нашей страны, под которым мы подразумеваем начавшийся в 1980-х (но не заверченный) кризис самоидентичности в связи с крушением советской системы в ее политическом, экономическом, социальном, территориальном, духовно-ценностном и иных проявлениях.

С начала «нулевых годов» мы видим все большие проявления усиливающейся деградации различных сторон сформированной уже в новейшее время социально-политической системы, что можно определить как *системно-актуальный кризис*.

Эти внешние и внутренние макросистемные кризисы все сильнее резонируют со спонтанно возникающими локальными кризисными проявлениями *регионального* (сегодня только 13 % являются субъектами-донорами, остальные находятся на различных дотациях из центра); *производственного* (снижение потенциала большинства предприятий из-за износа основных производственных фондов и устарелой технологической основы) и *потребительского* (прежде всего тотальной нерешенности жилищно-коммунальной, инфраструктурной, экологической, а порой и продовольственной проблем) характера.

Наконец, в самом центре «матрешки» – вечный конгломерат *микросоциальных* (отношения в семье, конфликт поколений и т. п.) и *личностных кризисов*.

Судя по выступлению в микроблоге, Д. Медведев понимает не просто состояние кризисности общества и государства, но и ее фазу³: «Не секрет, что с определенного периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации»⁴.

Конечно, ситуация еще не губельна, но риск не только отстать в конкурентной борьбе, но и утратить привычный образ жизни и самооценку сегодня вполне очевиден. Россия все еще входит в десятку крупнейших производителей ВВП (8-е место в мире, впереди Италии и рядом с Францией), но в пересчете ВВП на душу населения мы отстаем от беднейшей в Европе Португалии. Качественный баланс как внешней (свыше

¹ См.: Коммерсант. 2010. 15 дек.

² В данной статье используются предложенные С. Переслегиным термины: *драйверы* (факторы влияния, оказывающие наибольшее воздействие) и *джокеры* (непредвиденные факторы) [Переслегин, 2009].

³ Принято считать, что кризис в своем развитии проходит три основные фазы (стадии): рецессию (спад, замедление), стагнацию (застой) и коллапс (упадок, недостаточность).

⁴ www.newsru.com/В России/24nov2010/opp.html

90 % – сырье), так и внутренней (более двух третей товаров – импорт) торговли совершенно неприемлем. Постоянно снижающиеся показатели качества образования, научных исследований, здравоохранения отбрасывают Россию в категорию слаборазвитых стран. По средней продолжительности жизни мы не только позади Европы, но отстаем и от всех постсоветских государств, кроме Таджикистана. Таким образом, сложившийся эквilibrium показывает все большую неустойчивость, завися, прежде всего, от такого джокера, как цена барреля нефти.

Пониманием такой неустойчивости пронизана статья Д. Медведева «Россия, вперед!», отсюда и его призыв к модернизации. Однако модернизационные трансформации могут быть успешными в долговременной перспективе только на основе системности и комплексности. А это в свою очередь заставляет учитывать целую группу законов *системности* (закон распределения Гиббса, теория открытых и закрытых систем, учение о неравновесных системах Пригожина, закон N-распределения и др.).

Так, в рамках системологии актуальную проблему зависимости потенциала системы от числа ее компонентов выражает *закон оптимальной кратности деления*, согласно которому каждая управляемая система должна делиться в среднем на 7 (отклонения до 5 или 9 считаются допустимыми) отделов (так называемое «число Миллера»). Действие этого закона эмпирически было применено, в частности, при создании системы экономического районирования в СССР, при образовании федеральных округов РФ, к этим показателям приближалось число военных округов (до их укрупнения в 2010 г.); именно 7 партий остались сегодня в списке зарегистрированных в России. Можно найти и другие примеры реализации данного закона в политической системе РФ.

Упомянутая формула вполне логично вытекает из сформулированного еще в XIV в. принципа предельной простоты («*бритвы Оккама*») – «не следует умножать число сущностей сверх необходимости».

Вместе с тем на число компонентов системы влияет и *закон необходимого разнообразия*, сформулированный английским психиатром, специалистом по принципам самоорганизации Уильямом Россом Эшби: потенциал системы прямо пропорционален

степени разнообразия. Михаил Делягин использует схожую по смыслу формулу: адаптивность целостности тем выше, чем выше ее внутреннее разнообразие [2003. С. 102]. Причем нужно подчеркнуть, что не следует воспринимать это правило механистически: любая система должна расширяться, не столько экспансионистски, сколько путем усложнения (совершенствования).

Применяя эти постулаты к конкретной сфере исследований, американский микробиолог Леонард Хейфлик доказал, что у клетки существует предел деления, равный приблизительно 50 удвоениям («Предел или лимит Хейfliка»), после чего они умирают. Этот эффект объясняется недостаточным копированием элементов хромосом, накоплением ошибок, что и приводит к гибели системы. Применительно к политическим системам этот параметр позволяет определить степень их жизнеспособности в зависимости от сохранения сущностных характеристик их компонентов.

Не впадая в грех социал-дарвинизма, отметим общность механизмов развития как биологических, так и социальных систем – адаптация, мутация, конкуренция. И если два первых механизма под воздействием вышеуказанных драйверов в какой-то степени действуют в нашем обществе, то третий – конкуренция – в политической сфере абсолютно, в экономической олигополитически, – блокируется политическим режимом. Причины этого опять-таки можно увидеть в законах системологии.

Эволюция жизни, считает современная наука, связана с возрастанием упорядоченности, т. е. все новых и новых ограничений в свободе взаимодействий. Эволюция – это просто последовательное ограничение степеней свободы. Сами ограничения случайны. Но всякое ограничение – это и есть упорядочивание. Как только вы начинаете ограничивать свободу – возникает порядок, энтропия уменьшается. Эти выводы, с нашей точки зрения, применимы не только к биологическим, но и социально-политическим системам, где упорядочивание систем (организмов) связано не только с ДНК (генетическим кодом), но и с другими информационными каналами – письменностью, языком, дающими возможность практически мгновенно передать опыт.

Озабоченность эффективностью политической системы, обозначенная в упомяну-

том блоге президента⁵, напрямую сопрягается с понятием открытых и закрытых систем, введенным австро-канадским биологом и психологом Людвигом фон Берталанфи. Под открытыми системами понимаются получающие энергию извне, закрытость системы возникает при достижении идеального баланса со средой – динамика системы сводится к нулю, устанавливается ее статика, обусловленная тем, что никакие влияния среды не в состоянии будут ее дестабилизировать. Чем более закрыта система, тем быстрее растет энтропия (*второй закон энтропии*). Энтропия системы (особенно социальной) может быть определена как мера беспорядка (или мера свободы) ее компонентов.

В контексте данной статьи представляется значимым вывод Берталанфи о саморегуляции открытой системы до состояния динамически необратимой устойчивости (стабильности), в то время как закрытая система определяется кинетически обратимым равновесием.

Крайне важными нам представляются понятия гомеостаза (стремление и способность системы сохранять равновесное состояние, характеризующее ее устойчивость, стабильность, саморегулируемость) и бифуркации (неопределенность в поведении сложных систем, испытывающих высокие степени давления и напряжения со стороны аттракторов) системы.

Понятие гомеостаза было введено в 1929 г. американским биологом У. Кенноном и использовалось первоначально в физиологии. К середине века Ж. Пиаже ввел это понятие в психологию, Н. Винер – в кибернетику, Т. Парсонс – в социологию, Д. Истон – в политологию. Более века назад американский физик Джозайя Уиллард Гиббс сформулировал фундаментальный закон (*«распределение Гиббса»*) о том, что итогом любого природного процесса является самопроизвольный переход к равновесию. И если экстраполировать этот постулат на социальные процессы, вспомнить ряд других максим о динамике неравновесных

явлений (от «параллелограмма воли» Гегеля и теории Ильи Пригожина до «гомеостаза» братьев Стругацких), то вариативность качественного прорыва России становится более высокой.

Существенный вклад в феноменологическую теорию нелинейных необратимых процессов внес бельгийский физико-химик русского происхождения Илья Пригожин. В 1947 г. он ввел понятие производства энтропии и потока энтропии и сформулировал теорию диссипативных структур, согласно которой неравновесность может служить источником упорядоченности.

Природа как хаотическая система чувствительна даже к малым воздействиям. В хаотическом мире трудно предсказать, какие вариации возникнут в данное время и в данном месте, ошибки и неопределенность нарастают экспоненциально с течением времени. Американский метеоролог Эдвард Лоренц назвал это явление *«эффектом бабочки»*: бабочка, взмахивающая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии⁶. В реальной жизни выбросы из труб детройтского завода переносятся на многие тысячи миль и могут выпасть в качестве вредных осадков в мексиканской сельве или снегах Канады.

Сходным по значению, но различным по механизмам воздействия на систему является *триггерный эффект* (англ. trigger), ведущий к развитию неустойчивостей разных видов и скачкообразному изменению системы. В неживой природе к проявлениям триггерного эффекта можно отнести падение одиночного камня, вызывающее обвал сотен тонн камней, в биологических системах – скачкообразное окисление жиров и уменьшение массы, в социально-политической сфере – столкновение футбольных фанатов, вылившееся в массовые националистические беспорядки в Москве в декабре 2010 г.

Экстраполируя эти подходы к социальным системам, мы без труда можем найти десятки примеров «эффекта бабочки» и триггерных эффектов в человеческой истории: недомогание Наполеона перед Ватерлоо и поражение французской армии, вве-

⁵ «Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе – она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто “бронзовеет” и в конечном счете тоже деградирует – как любой живой организм, который остается без движения» (www.newsru.com В России» 24nov2010/opp.html).

⁶ «Эффект бабочки» вызывает аллюзию к рассказу Рэя Брэдбери «И грянул гром», где гибель бабочки в далеком прошлом изменяет мир будущего.

дение «бургундской бутылки» как начало восстания лионских ткачей, «кровавое воскресенье» и выстрел Гаврилы Принципа в Сараево как спусковые крючки Первой русской революции и Первой мировой войны.

Все это делает сложно предсказуемым уверенное прогнозирование существования стабильных систем. Как писал А. Пуанкаре, «небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным».

Понятие бифуркации, используемое для механических систем, сегодня широко применяется и к социальным, политическим, экономическим системам, любая из которых подвергается многочисленным внешним воздействиям. Причем бифуркация в биологической эволюции проходит в виде генетического видообразования и занимает геологические эпохи. Появление же «второй природы» укладывается в масштаб десятилетий (авиация, телевидение, компьютеры, геновая инженерия и т. п.). Изменение внешней среды, появление и возрастание новых угроз рано или поздно негативно скажутся на качестве такой системы, и без ее адаптации она обречена либо на уничтожение, либо (в лучшем случае) на деградацию. Так происходило со многими странами, элиты которых игнорировали изменения внешних условий, гипертрофируя значимость накопленных ресурсов. Представьте себе огромные и величественные империи эпохи начала модернизации – испанскую и португальскую, с их огромными американскими колониями, дающими только одного золотого до 6 кг в год на душу населения; Османскую, простирающуюся от Атлантического океана почти до Индии; Китай, отгородившийся от северных варваров Великой стеной; Японию, под страхом смертной казни запрещающую любое подражание заморским «гяндзинам». Когда же в историческое одночасье Испания, Португалия и Турция потеряли свои имперские владения, а состояние самой метрополии стало удручающим, это привело к серии политических революций и контрреволюций и медленной, запоздалой догоняющей модернизации. Таково же состояние и нынешних реформ Китая, поражающих весь мир своим динамизмом, но по сути являющихся «догоняющей модернизацией». Япония, единствен-

ная из перечисленных стран, использовала метод прорывной модернизации.

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии 1993 г. Дуглас Норт сформулировал проблему зависимости от траектории предшествующего развития. Он опроверг так называемую эволюционную теорию, господствовавшую в 1950-е гг. и утверждавшую, что эффективные институты рано или поздно вытеснят неэффективные. Норт доказал, что страна может попасть в ловушку неэффективной системы правил, которые толкают ее на ложный выбор в ходе бифуркационного поворота (Испания в XVII в.; Япония в XIX в., до реформ Мэйдзи; Турция до реформ Ататюрка в 1920-е гг.).

В современных условиях «ресурсное проклятие», характерное для индустриальных стран с гипертрофированным сырьевым экспортом, на некоторое время поразило Великобританию, Норвегию, Австралию, Мексику и другие страны. Для Южно-Африканской Республики, некогда самой развитой стране континента, это привело к серьезному отставанию, а для Советского Союза – стало одной из причин распада.

Насколько известно автору, в современных политологических исследованиях теории Пригожина практически не используются, так же как нет разработок моделей развития, связанных с учетом «эффекта бабочки», что позволило бы с минимальными затратами решать сложнейшие геостратегические задачи без масштабного применения традиционных ресурсов.

Тем более наивным было бы предполагать, что нынешнее руководство страны при принятии того или иного политического решения обращается к трудам Бергаланфи или Лоренца, Несбита или Пригожина.

Однако мощное давление драйверов наступающего информационного общества в сочетании с целым пучком джокеров, один из которых напрямую связан в предстоящих федеральных выборах, объективно заставляет лидеров страны искать пути оптимизации сложившегося политического режима.

Список литературы

Биберман Е. Политология и правила выявления причинно-следственных отношений // Полис. 2009. № 6. С. 168–175.

Деягин М. Г. Мировой кризис: общ. теория глобализации: Курс лекций / Ин-т проблем глобализации (ИПРОГ). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2003. 768 с.

Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли / Под ред. Г. Алексеевой. М., 1997. Т. 2.

Исаев Б. А. Понятие и типология политических режимов // Соц.-гуманит. знания. 2009. № 3. С. 88–97.

Ирхин Ю. Социодинамика политических систем и режимов: Материалы спецкурса / Ю. В. Ирхин, Ю. Г. Сумбатьян. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1995.

Категории политической науки: Учебник / Под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. 656 с., ил.

Кермонн Ж.-Л. Западные политические режимы. Рецензия // Полис. 1991. № 2 (*Jean-*

Louis Quermonne. Les regimes politiques occidentaux / Ed. du Seuil. P., 1986).

Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2009. 701 (2) с. (сер. Philosophy).

Сморгунов Л. В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. 2009. № 1. С. 118–129.

Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; под ред. В. Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 325.

Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. М.: Юрист, 1999. 400 с.

Материал поступил в редколлегию 11.01.2011

A. Yu. Malyshev

TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIME AND SYSTEMIC RISKS

The political regime, viewed as part or as a special case of the political system, is exposed to all systemic regularities discovered by the XX century science. In the second part of XX century these systemic rules were increasingly applied to the analysis of social and political systems. Therefore, the future transformation of the political regime in Russia should be viewed not only as a consequence of the will power of a certain political actor but as the result of the objective multifactor influence of general systemic rules. Ignoring these system rules leads to serious systemic risks.

Keywords: political regime, political system, system evolution rules, systemic risks.